

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 82.091

Т. БАРОТИ,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Института славянской филологии Сегедского университета (Венгрия)*

ПУШКИН И ДАНТЕ

В статье проводится сравнительный анализ творческого наследия А.С. Пушкина и Данте Алигьери на материале произведений «Воспоминание», «Евгений Онегин» (Пушкин) и «Божественная комедия», «Новая жизнь» (Данте). Исследуется линия преемственности традиций итальянского Возрождения русской классической литературой, в частности, вопрос о влиянии Данте Алигьери на творчество А.С. Пушкина.

Ключевые слова: литературное творчество, литературная традиция, преемственность мотивов и образов, романтическая литература, поэтическая мифология.

Российский ученый, исследователь русско-итальянских литературных связей, М.Н. Розанов, в одной своей работе 1928 г., рассматривая пушкинское стихотворение 1830 г. «В начале жизни школу помню я» на фоне дантовского подтекста, мимоходом, не вдаваясь в подробное освещение выдвинутой идеи, допускает возможность дантовского влияния на Пушкина, т. е. Дантова подтекста стихотворения 1828 г. «Воспоминание» [1, с. 32–34].

Стихотворение Пушкина «Воспоминание» – одно из наиболее выдающихся творений поэта – не принадлежит к числу т. н. «малоизученных» произведений. О нем писали видные пушкинисты, историки литературы и текстологи, в том числе П.А. Анненков [2], Л.В. Щерба [3], Н.Л. Степанов [4], Я.Л. Левкович [5], С. Сендерович [6] и другие исследователи.

Стихотворение было написано в весьма тревожный период жизни поэта. Первый биограф Пушкина, П.В. Анненков пишет об обстоятельствах написания стихотворения: ... «В это время существование Пушкина делается порывистым и беспокойным... Мысли его становятся тревожны и смутны в это время, и часто возвращается он к самому себе, с грустью, упреком и мрачным настроением духа» [2, с. 200–201]. Именно отмеченные биографом Пушкина «тревожные и смутные мысли» поэта, его мрачное настроение, частое возвращение к себе, грусть и упреки – т. е. «нота раскаяния», «горького сожаления» и «самобичевания» вызывает в М. Розанове ассоциации, связывающие стихотворение Пушкина с творчеством Данте. М. Розанов пишет о пушкинском стихотворении: «В мировой литературе мало найдется подобных потрясающих лирических излияний, такого чистосердечного и исчерпывающего выражения жгучего раскаяния, такого проникновенного и беспощадного самоанализа. Опять вспоминается «il gran padre Alighieri», автор величайшей в мире поэмы раскаяния и нравственного очищения. Снова приходит на ум не раз упомянутая сцена «Чистилища» (XXX и XXXI песни). Но роли там разделены. «Змеи сердечной угрызения», испытываемые поэтом, вложены в уста надменной обличительницы Беатриче, которая «длин-

ный развивает свиток» его прегрешений. На долю Данте остается только пластическое выражение того могучего воздействия, которое производит на него речь обличения [...] Основанное на непосредственных житейских переживаниях, стихотворение Пушкина вырастает до общечеловеческого значения. Это превосходно выдержанный в дантовских тонах, гениальный вариант очень старого, но никогда не умирающего и вечно действенного мотива, никогда не теряющего остроту нравственного очищения человеческой личности, тернистый путь от заблуждений и греховности к истине и совершенствованию, изображенные так проникновенно в «Божественной комедии», отражаются, «как солнце в малой капле вод», в этом, к сожалению, незаконченном наброске, достойном «великого отца Алигьери» [1, с. 33–34].

Нельзя не согласиться с этим пониманием пушкинского стихотворения и предполагаемого ученым его дантовского подтекста за исключением одной детали, где М. Розанов пишет о незаконченности стихотворения, о «наброске». Не решаясь на подробное изучение данного вопроса и его истории в разных исследованиях, я бы хотел только отметить, что среди исследовавших «Воспоминание» Пушкина нет единогласия не только насчет его законченности и художественной завершенности, но даже в вопросе восприятия канонического текста стихотворения. Стихотворение Пушкина, как известно, имеет довольно сложную текстологическую историю, и две его части: первая, состоящая из 16 строк и вторая – составляющая 20 строк, – в зависимости от понимания издателя или текстолога публикуется в разных изданиях то вместе, то отдельно [4; 5].

В этом вопросе я согласен с пониманием Б.В. Томашевского, отраженным в издании произведений А.С. Пушкина под его редакцией, согласно которому в разделе стихотворений за 1828 год печатается *основной* текст (16 строк), а в разделе «Из ранних редакций» публикуется «Окончание стихотворения в рукописи» (20 строк) [7, с. 60, 459].

Приведя стихотворение полностью, т. е. его основной текст и отброшенное, не включенное Пушкиным в окончательный вариант окончание в рукописи, я бы хотел обратить внимание на несколько элементов пушкинского текста, подтверждающих заметку М. Розанова касательно Дантова подтекста пушкинского «Воспоминания», а также – используя для этого и не включенный в окончательный вариант стихотворения текст его окончания в черновой рукописи – указать кроме предложенного М. Розановым подтекста и на наличие не менее важного пушкинского контекста, на фоне которого указанные элементы дантовского (и любого) подтекста в творчестве Пушкина приобретают пушкинское значение, становятся элементами пушкинской поэтической мифологии.

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачется в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской;
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [7, с. 60].

Окончание стихотворения в рукописи:
Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях

Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вахха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вокруг меня жужжание клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые;
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут ... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба [7, с. 365].

В стихотворении, как отметил М. Розанов, изображается, притом «в дантовских тонах», «процесс нравственного очищения человеческой личности, тернистый путь от заблуждений и греховности к истине и совершенствованию» [1, с. 34]. Здесь, однако, придется сделать оговорку. Представленный в стихотворении процесс внутреннего потрясения и «очищения», несмотря на дантовский подтекст, изображается согласно законам пушкинской поэтической мифологии, по законам индивидуального пушкинского творчества. Согласно этому сходные мотивы и образы двух поэтов в творчестве Пушкина, соответственно требованиям индивидуальной поэтики, претерпевают закономерные изменения. Вместо аналогичности разных явлений следует говорить об их закономерном различии.

М. Розанов прав, когда о «Воспоминании» Пушкина пишет: «Основанное на непосредственных житейских переживаниях, стихотворение Пушкина вырастает до общечеловеческого значения» [1, с. 34]. Поэтическое обобщение конкретного жизненного факта, поэтическое переосмысление жизненных реалий уже с конца т. н. «лицейского периода» творчества Пушкина становится одним из главных принципов его творчества. В отличие от современного молодому Пушкину романтического метода понимания и изображения мира, согласно которому романтический дуализм (т. е. противопоставление идеала и действительности), предполагает дуалистическое противопоставление опыта (т. е. эмпирической жизни), не удовлетворяющего лирический субъект и творимого путем мечтаний и преобразуемого в литературную традицию (литературность) идеального мира, Пушкин в своем творчестве снимает такое противопоставление: конкретные впечатления жизни становятся со временем главным источником его поэтического творчества [8, с. 268–269]. Такое изменение по отношению к романтическому мировосприятию и творческому методу проявляется и в романтический период творчества Пушкина, в романтических элегиях начала 1820-х гг. В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша» 1823 г. лирический субъект разумно отказывается от «младенческой», «сладостной надежды», от веры в возможность постижения полноты «жизни» за пределами сего мира и начинает смотреть на этот мир как единственный источник человеческого счастья и творчества:

... Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает ...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой [7, с. 135].

В широком смысле о приведенном стихотворении Пушкина можно говорить как о контексте «Воспоминания» 1828 г. В обоих стихотворениях на фоне мысли о смерти ведутся тревожные размышления лирического субъекта о кардинальных вопросах человеческо-

го существования, о смысле жизни и смерти, о «тайнах счастья и гроба». Несмотря на то, что раннее стихотворение менее конкретно и что в художественном отношении оно не достигает напряженности и глубины обобщения «Воспоминания», – эти два стихотворения внутренне связаны присутствием в обоих мотива ума, т. е. разумного рационального начала. Не противоречит этому и то обстоятельство, что функция «ума» в двух стихотворениях противоположная: в первом «ум» отстаивает свои права, подчиняя себе начало иррационалистической веры и мечты: «Мой ум упорствует, надежду презирает», а во втором ум отступает, отодвигается на второй план по отношению к нахлынувшим иррациональным чувствам тоски и сердечного угрызения: «Мечты кипят; в уме, подавленном тоской, Теснится тяжких дум избыток».

Главная, соединяющая мотивы «ума» сущность двух стихотворений заключается в том, что благодаря его изменению открывается возможность возникновения и открытия чего-то нового, непривычного, т. е. формирования второй, отличной от привычной точки зрения и плоскости оценки. И здесь, в этой точке мы должны указать на главное отличие пушкинского и дантовского «совершенствования», т. е. духовного и душевного возрождения. Слова из пушкинского «Воспоминания»:

«Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю» [7, с. 135]

М. Розанов ассоциирует с соответствующими местами тридцатой и тридцать первой песен «Чистилища» «Божественной Комедии» Данте со следующей оговоркой: «Снова приходит на ум не раз упомянутая сцена «Чистилища» ... Но роли там разделены. «Змеи сердечной угрызенья», испытываемые поэтом, вложены в уста обличительницы Беатриче, которая «длинный развивает свиток» его прегрешений. На долю Данте остается только пластическое выражение того могучего воздействия, которое производит на него речь обличения:

Так я стоял . . .
Так жгла меня раскаянья крапива,
Что все, чего я жаждал наипаче,
Все ненавистно сделалось и лживо.
Подавленный сознанием, от плача,
Я пал, – и как я встал, то ей известно,
Меня поднявшей сил к тому подачей
(перевод Н. Голованова) [1, с. 33].

Основное различие в понимании и изображении душевного потрясения и возрождения вытекает из отличного от Данте пушкинского художественного мировоззрения и основанного на нем иного творческого метода. О художественном методе Пушкина выше уже говорилось в связи с отличием его от современного ему творческого метода поэтов-романтиков. Из того, что было сказано об этом выше, становятся ясными смысл и необходимость с точки зрения пушкинского поэтического контекста заключительной, 16-ой строки «Воспоминания».

В двадцать восьмой песне «Чистилища» Данте встречается с Мательдой и попадает в «Земной Рай», по библейскому преданию, по вине человека потерянный им. Мательда показывает Данте два источника, два ручейка: Лету и Эвнюю:

127 Струясь сюда – он память согрешений
Снимает у людей; струясь туда –
Дарует память всех благих свершений.
180 Здесь – Лета, там – Эвнюя; но всегда
И здесь, и там сперва отведать надо,

Чтоб оказалась действенной вода [9, с. 326].

Путь Данте ведет через Ад и Чистилище в Рай, к постижению высшего блага. Символично это обозначает его духовное возрождение, освобождение от грехов, но вместе с тем возрождение в мистическом плане обозначает и потерю своего земного, человеческого облика. Беатриче в конце тридцатой песни Чистилища так характеризует заблуждение Данте и свое вмешательство для его спасения:

- 127 Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
130 Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья – лишь посул пустой.
133 Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.
136 Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда,
139 И я ворота мертвых посетила,
Проя, в тоске, чтобы ему помог
Тот, чья рука его сюда взводила.
142 То было бы нарушить божий рок –
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снедь, не заплатив оброк
145 Раскаяния, обильного слезами [9, с. 336].

После тяжких угрызений совести и покаяний в тридцать первой песне Чистилища с помощью Мательды Данте окунулся в Лету, реку забвенья. Забыв таким образом свои прежние поступки и грехи, он освобождается от угрызений совести, от душевных мучений. А в конце тридцать третьей песни, погрузившись в воду Эвной – дарующей «память всех благих свершений» – он стал новым существом, достойным высшего блага:

- 142 Я шел назад, священной волной
Воссоздан так, как жизненная сила
Живит растенья зеленью живой,
145 Чист и достоин посетить светила [9, с. 351].

Основное различие между представленными в приведенных примерах дантовским и пушкинским раскаянием и возрождением вытекает из смысла указанного пушкинского контекста. Пушкинский герой «Воспоминания» не может следовать примеру героя «Божественной Комедии» – не может освободиться от своего прошлого и связанных с ним угрызений совести путем забвения, которое дают ему слезы или воды у Леты. Лирический герой Пушкина не может отказаться ни от своего прошлого, ни от своей настоящей жизни: как ни гнетет его судьба, отказавшись от жизни он потерял бы все, в том числе и единственный источник творчества и возможность предполагаемого счастья, гармонии в будущем.

На основе художественного мировоззрения Пушкина по формуле «жизнь и творчество» и «жизнь и культура» мы хотели бы указать еще на несколько возможных случаев Дантовских реминисценций в романе в стихах Пушкина «Евгений Онегин», в первую очередь в связи с чтением героев – Онегина и Татьяны, а также в связи с легким оттенком аналогичности изображения Татьяны, появляющейся на «светском рауте» в восьмой главе романа, с изображением Беатриче в «Новой жизни» Данте.

В тридцать пятой строфе «Евгения Онегина» дается подробный перечень чтений героя, а в тридцать шестой выявляется нечто вроде радикального внутреннего преображения, внутреннего возобновления, воскресения героя, то, о чем писал Достоевский в своей речи о Пушкине: «...Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя

себе, овладей собой – и узришь правду». Ведь найти себя в себе и узреть правду – это значит прийти в свою культуру, вернуться к своей культуре, основе человека и личности. Для дальнейшей мысли необходимо привести данную строфу полностью:

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печали
Теснились в душу глубоко.
Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой [10, с. 183–184].

Приведенная строфа является ключевой для понимания дальнейшей судьбы героини и героя, его духовного потрясения и обновления. Ведь здесь становится ясно, что Онегин, персонаж по культуре (по чтениям) своей западного типа рационалист и индивидуалист, как будто бы углубляется в свою почти уже забытую культуру, в «тайные преданья сердечной, темной старины», во «сны, угрозы, толки, предсказанья»; этот рационалист западного толка переживает «длинной сказки вздор живой». Это значит, что герой как бы покидает свой обычный мир, приближается к своему забытому сказочному детству, но тем самым переходит на чужую территорию – в мир «сердечной, темной старины», т. е. впускается в мир Татьяны. Это мир традиционной русской культуры, и не случайно, что после духовного-душевного открытия «потерянного рая» Онегин то и дело в своих мечтах приходит к своей Тане (в конце тридцать седьмой строфы: «То сельский дом – и у окна / Сидит она... и всё она!» [10, с. 184]. До этого он был рабом других предубеждений, рассматривал светскую Татьяну как бы в другой плоскости, Пушкин в ряде строф восьмой главы подчеркивает непонимание Онегина, не сумевшего разобраться в тайне и загадке Татьяны, например в семнадцатой:

«Ужели, – думает Евгений, –
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...» [10, с. 173].
«Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести...» [10, с. 174].
Ужель та самая Татьяна...

.....
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?» [10, с. 174].

Слепота и непонимание Онегина и в дальнейшем обусловлены противопоставлением Татьяны прежней, провинциальной, и светской дамы. Строфа двадцать седьмая:

«Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней

Роскошной, царственной Невы» [10, с. 177].

Можно было бы привести много примеров для доказательства причины слепоты Онегина, но надо отметить, что приведенные испытания героя передаются не в авторской речи, а от лица героя, в так называемой «пережитой», т. е. в «не собственно прямой» речи.

После описанных потрясений, страданий, а также после описанного выше «возвращения» героя в свою потерянную культуру, Онегин, появляющийся «на мертвеца похожий» в сороковой строфе в прихожей Татьяны, с удивлением, с «поражением» замечает в княгине Татьяне прежнюю бедную Татьяну.

Что касается чтений Татьяны, о них есть упоминания уже в двадцать девятой строфе второй главы:

«Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо» [10, с. 49].

Определяющую дальнейшую судьбу Татьяны функцию ее чтения приобретают в третьей главе, после посещения их дома Онегиным и Ленским. Возникновение любви героини мотивируется автором весьма вескими причинами: сплетнями соседней (шестая и седьмая глава) и неопровержимым законом природы. Но главную роль в возникновении любовного чувства Татьяны играли ее чтения:

«Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть...» [10, с. 59]

Аналогичное возникновение любви под влиянием чтения любовного романа изображает Данте в пятой главе своей «Божественной комедии». В круге втором, где страдают сластолюбивые, Франческа да Римини рассказывает историю их с любовником грехопадения:

127

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.

130

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.

133

Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,

136

Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа» [9, с. 40].

Описание появления Татьяны на светском балу, а также описание ее влияния на присутствующих в четырнадцатой-пятнадцатой строфах восьмой главы напоминают два сонета Данте из «Новой жизни».

у Пушкина	у Данте
Но вот толпа заколебалась, По зале шепот пробежал... К хозяйке дама приближалась, За нею важный генерал. Она была нетороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих маленьких ужимок, Без подражательных затей... Все тихо, просто было в ней... К ней дамы подвигались ближе; Старушки улыбались ей; Мужчины кланялися ниже, Ловили взор ее очей; Девушки проходили тише Пред ней по зале, и всех выше... [10, с. 171]	Столь благородна, столь скромна бывает Мадонна, отвечая на поклон, Что близ нее язык молчит, смущен, И око к ней подняться не дерзает. Она идет, восторгам не внимает, И стан ее смиреньем обличен И кажется: от неба низведен Сей призрак к нам, да чудо здесь являет. Такой восторг очам она несет, Что встретишь с ней, ты обретаешь радость, Которой не познавший не поймет... [11, с. 111–113]

Таким образом, в творчестве А.С. Пушкина просматриваются традиции литературы итальянского Возрождения, явленные в реминисценциях произведений Данте Алигьери. Это проявляется в наследовании идеи духовного совершенствования человеческой личности, поэтики создания женских образов, преемственности сюжетных схем, а также в сходной трактовке тем жизни и смерти, добра и зла, мотивов любви и разлуки, что свидетельствует об активном культурном диалоге двух художественных систем – Возрождения и Романтизма.

Список использованной литературы

1. Розанов В.Н. Пушкин и Данте / В.Н. Розанов // Пушкин и его современники. – Вып. XXXVII. – Л.: Изд-во Академии Наук, 1928. – С. 11–41.
2. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / П.В. Анненков. – СПб.: «Общественная польза», 1855. – 476 с.
3. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Воспоминание» Пушкина / Л.В. Щерба // Русская речь. – № 1. – Петроград: Изд-во Института истории искусств, 1923. – С. 13–56.
4. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды / Н.Л. Степанов. – М.: Художественная литература, 1984. – 368 с.
5. Левкович Я.Л. «Воспоминание» / Я.Л. Левкович // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. – Л.: Наука, 1974. – 414 с. – С. 107–120.
6. Сендерович С. Алетейя, Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы поэтики / С. Сендерович // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. – Wien. – 1982. – № 8. – С. 191–199.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Т. 3: Стихотворения 1827–1836 / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – 558 с.
8. Томашевский Б. Поэтическое наследие Пушкина / Б. Томашевский // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. – С. 297–305.
9. Данте Алигьери. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. – М.: Правда, 1982. – 640 с.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Т. 5 – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – С. 9–216.
11. Данте Алигьери. Новая жизнь / Перевод А. Эфроса. – М.: Художественная литература, 1965. – 178 с.

У статті проводиться порівняльний аналіз творчої спадщини О.С. Пушкіна та Данте Аліґ'єрі на матеріалі творів «Спогади», «Євгеній Онеґін» (Пушкін) та «Божественна комедія», «Нове життя» (Данте). Досліджується лінія спадкоємності традицій італійського Відродження російською класичною літературою, зокрема, питання про вплив Данте Аліґ'єрі на творчість О.С. Пушкіна.

Ключові слова: літературна творчість, літературна традиція, спадкоємність мотивів та образів, романтична література, поетична міфологія.

The paper carries out comparative analysis of A.S. Pushkin's and Dante Alighieri's artistic legacy on the basis of the works «Recollection», «Eugene Onegin» (Pushkin) and «La Divina Commedia», «La Vita Nuova» (Dante). It investigates the continuity of Italian Renaissance tradition by Russian classical literature, the problem of Dante Alighieri's influence on A.S. Pushkin in particular.

Key words: literary activity, literary tradition, continuity of motives and images, romantic literature, poetic mythology.

Надійшло до редакції 8.02.2011.